
ХУДОЖНИК И КНИГА
ВОСПОМИНАНИЯ

В.МИЛАШЕВСКИЙ

*Вчера,
позавчера...*

ХУДОЖНИК И КНИГА

ВОСПОМИНАНИЯ

В. А. Милашевский. 1938 год.

В.МИЛАШЕВСКИЙ

*Вчера,
позавчера...*

Воспоминания художника

2-е изд., испр. и доп.

Москва «Книга»
1989

ББК 85.153(2)
М60

Подбор иллюстраций и составление
раздела «Воспоминания о В. А. Милашевском»
А. И. Милашевской

Редакционная коллегия:

Д. А. Шмаринов (председатель), *В. В. Лазурский*,
М. Я. Либман, *А. Ф. Серебряков*, *Г. Ю. Стернин*

Рецензент *Д. С. Бисти*, народный художник РСФСР

Оформление и макет *Р. М. Сайфулина*

М $\frac{4700000000-009}{002(01)-89}$ 36-89

ISBN 5-212-00164-1

© Издательство «Книга», 1989

В один из первых вечеров, когда я сидел за вечерним чаем у моих новых знакомых, Михаил Алексеевич предложил мне отправиться вместе на заседание «Обезьяньей палаты» к ее Верховному магистру Алексею Михайловичу Ремизову.

Я слышал об этом шутейном сообществе. Приходилось видеть и дипломы, возводящие в рыцарское достоинство, написанные Верховным магистром особым, фантастическим шрифтом!

Это был полуустав древних русских летописей, несколько совмещенный с рукописным «пошибом» дьяков Древней Руси.

В почерках этих грамотеев чувствовалась эстетика арабской графики.

Но Алексей Михайлович внес и свою долю «художественного озорства» в очертания букв, снабдив их чисто ремизовскими затейливыми загогулинками и вихребразными разлетами.

Конечно, я жаждал увидеть, познакомиться с этим особенным человеком, тароватым на всякие диковинные выдумки.

Может быть, доведется посмотреть на самый процесс написания грамот, удостоверяющих, что ты в «Искусстве — НЕКТО»!

В августовский тихий вечер мы отправились на Владимирскую улицу. Небольшая квартирка Ремизова была недалеко от Невского. Местоположение почетное и удобное для «Палаты». Мы совершили приятную прогулку по пустынным улицам — от Спасской до Владимирской.

Ремизов встретил нас троих с радушием исконно русским. Он посмотрел на меня с ласковым любопытством, однако не без некоторой насмешливости опытного «мистификатора»!

Потом я заметил, что не всех так милостиво встречал представляемых ему в первый раз лиц.

Может быть, к писателям-профессионалам у него рождалось более «сложное чувство», но ко мне как художнику, хотя бы и никому не известному, симпатия была явная. Ведь изобразительное искусство — это была страсть «потайная», напоказ особенно не выставляемая.

Несомненно, и Кузмин и Юркун обо мне сказали что-то особенное и лестное. Ведь в Петрограде было столько художников! Питер не Якутск, чтобы интересоваться любым лицом, занимающимся искусством живописи, Васильевский остров был полон ими.

Небольшой, чуть-чуть сгорбленный, скорее «человечек», чем «человек», Алексей Михайлович был своеобразен и типом своего лица. Он не был средне-русской внешности, а тем более «европейской». В его человеческой породе сквозили некие более древние «крови», чем славянские, как они отражены в классической русской живописи.

Может быть, это — тип племен древних обитателей побережий Верхней Волги, Оки, Мологи, Камы. Многочисленные племена последнего периода. Мордва, черемисы, еще до появления в этих местах тюрков. Москва, Муром, Карачары, Вязьма и так распространенные под Москвой села: Верея! Какие языки отразились в этих названиях! Какие племена здесь жили! Исконно-древние, берендеевские... — дославянские!

Тип лица Алексея Михайловича связывался с дремучими забытыми культурами, а может быть, и тип психики?

Неужели только внешность передается от забытых предков?!

Рисовали художники Ремизова как-то поверхностно, подчеркивали эдакую некоторую «чуждинку», поддавались его «театру для себя».

Некий «этнос» выразил в своем рисунке только я. Его рисовали Бакст и еще кто-то, и все создавали образ «недотыкомки».

Вскоре вышла в столовую и сама хозяйка дома — Серафима Павловна. Вот это уже настоящая «славянка» — дебелая, дородная, слегка уже расплывающаяся и улыбающаяся! Она выше ростом хозяина и он где-то «при ней» или около нее! Очевидно, внутренне очень стойкая и самостоятельная. Надо же было сохранить и благожелательность, и спокойствие по отношению ко всей этой «фантазмагории», царившей в ее доме!

Через всю небольшую комнату, почти всю занятую большим обеденным столом, под потолком были протянуты две веревки или бечевки. Они тянулись по диагонали комнаты и встречались где-то над серединой стола. Перекрест их, конечно, был неправильным, косоватым и случайным.

Так тянут веревки для белья во дворе, не считаясь с архитектурной геометрией.

На «бечевах» висели или болтались разные корешки, сучочки забавной формы! Странные, вычурные, забавные, смешные и фантастические!..

Ремизов их называл «ЧЕРТЯГАМИ».

Он произносил это слово не только почтительно, но и с благоговейной уважительностью. Верю: берендеевцы им поклонялись!

Совсем недавно, уже в середине шестидесятых годов на них появилась мода. И они стали называться «дары природы», несколько вычурно и излишне серьезно, в стиле нашей эпохи, не любящей пошутить!

Эти корешочки стали обрабатывать, обогащать их сообразно своим темпераментам. Кто-то делал из них подсвечники, пьедесталы для ночных электроламп. Кто делал из них фаустов, мэфистофелей, вытаскивая носы, губы, бородки...

Словом, превращали их в унылую и бездарную безвкусицу!

Нет, ремизовские «ЧЕРТЯГИ» и «ЧЕРТАВЫ» — не искажались, их «первозданность» была сохранена!

— Это — душа леса! Они имеют каждый свою гармонию, свои ритмы! Как можно к ним святотатственно прикасаться?! Я терпеть не могу вашего гениального Коненкова с его «бабами-ягами» и «старичками-лесовичками»!

Каждый «божок» имел свое название, свое — ИМЯ.

Алексей Михайлович произносил их имена с понижением голоса, с тайной «доверительностью» и благоговейным трепетом!

Разумеется, всё это была игра, но игра вдохновенная.

— Это — БУРУНБЕЙ, — шептал он, — очень сильный... С ним надо с опаской... Но помогает, когда разговариваешь с «власть имущими». Тогда его надо снять. И держать в кармане во время «вызова» на разговор!.. Ну, а это — КУРУГАН! — сказал он с некоторым хихиком и с подмигиванием. — А вот: МИРЗОДЕНЯ... Успокаивает при огорчениях... Ну, а там дальше, в углу, — ВЕРЗОДУЙ... СВЫЛГАЧ... ХЛЮКЛА... ИГРЕНЬДЫБ... Много их, шутить с ними нельзя.

Я подумал, что названия эти он импровизирует мгновенно и потом он спутает их... О чем много позднее и сообщил ему свое подозрение...

— Как можно! — вскипел он (чуть-чуть не высказав скрываемого смешка!). — Что вы! Что вы!.. Разве можно смешивать их!.. Никогда!.. Вот — ЕРЕПЕЙ-СИЛЕНДЕЙ... А вот — СИЛЬПУХА! Самый завихрень, самый корч с загогулиной говорит за себя и твердо, своим

ТОГДА, В ПЕТРОГРАДЕ

видом является вам — СЛОВО-ИМЯ!.. «КИКИМОРА»! — как просто
и как выразительно!